

В. М. Муханов
«Социализм
виноградарей»,
или

История Первой
Грузинской республики
1917–1921

МГИМО МИД РОССИИ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР ПРОБЛЕМ КAVКАЗА И РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

В. М. Муханов

«Социализм
виноградарей»,

или

История Первой
Грузинской республики
1917–1921

КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва
2019

УДК 94(100–87)
ББК 63.3(0)6
М 92

Муханов Вадим Михайлович

М 92 «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики: 1917–1921. — М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — 928 с. — (Кавказская библиотека)

ISBN 978-5-907171-06-0

Книга представляет собой реконструкцию предыстории создания Грузинской Демократической Республики, истории ее существования и советизации в 1921 г. Автор рассматривает процесс выхода территорий Закавказья из разрушающейся Российской империи и их движение к обретению международно-правовой субъектности, прослеживает, как они выходили из тяжелейшей мировой войны и постепенно уходили с российской орбиты, и как грузинская элита изменила вектор своей политической активности от требования автономного статуса в составе России до курса на полную независимость. В книге также показано развитие международной политики Грузинской Республики.

Реконструкция событий и процессов, происходивших в Закавказье в первые годы после революции в России, значима и для понимания предыстории современных межэтнических конфликтов в Закавказье.

УДК 94(100–87)
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-907171-06-0

Тираж 500 экз.

© Муханов В. М., 2019

© ООО Издательство «Кучково поле», 2019

Введение

Революция 1917 г. расколола территорию бывшей Российской империи на множество больших и малых фрагментов. Не избежало геополитической трансформации и Закавказье, где на месте губерний сначала возникли три независимых государства, которые затем — после советизации в 1920–1921 гг. — были интегрированы в «государство нового типа», провозглашенное в конце 1922 г., в Союз Советских Социалистических Республик.

Из трех учрежденных в мае 1918 г. независимых республик дольше других просуществовала Грузинская Демократическая Республика, которая только пару месяцев не дождалась своего трехлетия и которая вызывает наибольший исследовательский интерес, прежде всего, экстравагантностью политической формы, сочетавшей черты западноевропейской демократии и повадки российской социал-демократии. Не случайно Карл Каутский написал о той республике отдельную книгу, а вожди II Интернационала, посетив Грузию в сентябре 1920 г., восхваляли новую республику как дерзкий эксперимент и живую демократическую альтернативу большевизму.

Нельзя забывать и то обстоятельство, что появлению независимой Грузии предшествовал более чем столетний период пребывания ее территорий в составе Российской империи, что имело заметные положительные последствия, плоды которых смогли вкушать и социал-демократы Грузии во главе с Ноем Жорданием, вставшие у кормила власти, после того как поутихла революционная буря. Практическая реализация идеи независимости Грузии базировалась на опыте и результатах XIX в., когда под российским державным скипетром произошло собирание разрозненных владений, составивших впоследствии территорию Грузинской Демократической Республики. Сравнивая карты Закавказья начала XIX столетия, его середины и начала века XX, можно без труда проследить поступательный процесс соединения земель, ставших сначала Грузинской губернией, затем Тифлисской и Кутаисской. Середина XIX в. принесла прямое российское управление в Мингрелию и Сванетию, которые до этого стояли особняком от Картли, Кахетии и Имеретии. Последняя чет-

верть столетия принесла Аджарию (Батумский округ) после тяжелой, но победоносной войны с Турцией 1877–1878 гг. Собираение грузинских земель под российским скипетром завершилось.

Одновременно шло формирование грузинского национального сознания, появились люди, ставшие глашатаями интересов грузинского народа и заявившие о его национальных правах. Именно тогда, в XIX в., в границах Российской империи спокойно и поступательно шло формирование грузинской нации, росли ее идеологи, комфортно чувствовавшие себя на русской военной и гражданской службе, которая не только не препятствовала, но зачастую и способствовала им в общественно-политической деятельности.

Империя в своей внутренней политике на пространствах, где до того не существовало устойчивых моноэтнических государств, в том числе на Кавказе, подходила к национальным вопросам «территориально», противопоставляя универсализм подданства национальной принадлежности. Грузинская элита, получившая шанс сформировать свое национальное государство в XX в., имела комфортные условия для оформления, консолидации и качественного роста, пребывая в составе Российской империи.

Грузинский случай не уникален. Империя не только обеспечивает условия выживания народов и развития их национальной культуры, она, сама того не желая, обеспечивает их «вызревание» до готовности образовать собственные государства. Кавказ не был исключением. Распад Российской империи привел к учреждению национальных государств, элиты которых получили шанс попробовать себя в самостоятельной роли...

Российская политика преобразила Кавказ и особенно Закавказье. Придя в регион во времена Екатерины II и завершив это движение в эпоху Николая I, Россия занялась его поступательным развитием, его качественным усилением, демонстрируя, что она пришла на Кавказ всерьез и надолго, навсегда. В отличие от хиреющих соседних империй — Османской и Персидской, которые уже в первой половине XIX в. были вынуждены отказаться от претензий на российское теперь Закавказье.

Только мировая война и последовавшие потрясения вернули Кавказ на «геополитический рынок», где конкурировали основные мировые игроки. Дальнейшее развитие событий показало, что Кавказ «вернулся» туда скорее в объектном, нежели субъектном качестве.

Революция и начавшаяся Гражданская война дали шанс закавказским национальным элитам на обретение собственной государственности. Потребовалось два года, чтобы проявилась несостоятельность соответствующих государственных проектов. Молодые республики стали заложниками противоборства крупных игроков, ограниченности собственных социальных и экономических ресурсов, но также неготовности собственных элит к субъектному присутствию на международной арене.

* * *

Реконструкция событий и процессов, происходивших в Закавказье в первые годы после революции в России, значима и для сегодняшнего дня, когда положение в этом регионе не выглядит устойчиво стабильным, а российско-грузинские отношения находятся на крайне низком уровне доверия и интенсивности. Целый ряд неурегулированных конфликтов, непростые отношения государств региона между собой и с Россией, заинтересованность внерегиональных сил — все это стимулирует интерес к тому краткому историческому периоду, где на международной арене впервые действовали три суверенных закавказских государства, чтобы попытаться обнаружить нечто полезное для решения жгучих вопросов современной закавказской политики.

Современная элита Грузии активно использует сюжеты из истории Первой республики в политической риторике, в том числе для аргументации своих позиций в двусторонних отношениях с Россией. На щит берутся лидеры Первой республики во главе с Ноем Жорданией, их дела и лозунги. А в действующей Конституции подчеркивается «историко-правовое наследие Конституции 1921 года».

Везде и всюду декларируется, что после 1991 г. в Грузии фактически восстановлена государственность, утраченная в 1921 г. В «Акте о восстановлении государственной независимости Грузии» (9 апреля 1991 г.) прямо говорится, что ее восстановление происходит «на основании Акта о независимости Грузии от 26 мая 1918 года». То есть преемственность декларируется на официальном уровне. Связь с Первой республикой зримо присутствует и в государственной политике, и в общественно-политической жизни, и в гуманитарной сфере. Она явно ощущается и в современных российско-грузинских отношениях.

При всей внешней привлекательности Грузинской Демократической Республики 1918–1921 гг. вызывает определенные сомнения тезис о том, что единственным препятствием на пути созидания грузинской государственности в начале XX в. стала РСФСР, силой прервавшая этот созидательный процесс. Даже поверхностное знакомство с историей Первой республики позволяет увидеть фатальное противоречие между демократическими и социалистическими принципами, которые исповедовали грузинские социал-демократы, и их не явным, но жгучим национализмом. Как показал ход событий, построение оригинальной модели европейской демократии и социализма на грузинской почве оказалось теснейшим образом связано с острым этническим противостоянием в Абхазии, Южной Осетии, Аджарии, Джавахетии и других областях. При ближайшем рассмотрении достаточно очевидны аналогии обстоятельств 1918–1921 гг. и современной политики обеспечения территориальной целостности Грузии. Эти невольные аллюзии убеждают в важности исследования первого в XX в. опыта обретения государственности грузинским народом.

В этой книге предпринимается попытка реконструкции предыстории создания, истории существования Грузинской Демократической Республики и процесса ее советизации в 1921 г. Автор ставил перед собой задачу рассмотреть, как территории Закавказья выходили из разрушающейся империи и двигались к обретению международно-правовой субъектности, как они выходили из тяжелейшей мировой войны и воспринимали импульсы революционной деструкции, как постепенно они выходили из российской орбиты, как грузинская элита изменила вектор своей политической активности от требования автономного статуса в составе России до курса на полную независимость. Важно проанализировать и то, как Тифлис выстраивал отношения с европейскими государствами и Турцией, как он оперировал внутри Закавказского региона, пытаясь диктовать свою волю соседям...

Рассматриваемый период крайне важен и для понимания предыстории тех острых межэтнических конфликтов, горячая фаза которых имела место в 1990-е гг. — грузино-абхазского и грузино-осетинского. Из Первой республики привнесен в современную Грузию не только базис законотворческой деятельности, но и значительный политико-идеологический багаж, в том числе целый ряд символических политических фигур, поклонение которым имеет место и сегодня.

В год столетия революции, в результате которой рухнула Российская империя, и в преддверии приближающегося столетия Грузинской Демократической Республики стоит вспомнить о поучительных для многих страницах истории Закавказья в 1917–1921 гг.

2017 г.

ЧАСТЬ I

На пути к независимости

Глава I

Судьбоносный 17-й...

Кавказ встретил 1917 г. спокойно. В Тифлисе находился глава огромного региона, облеченный всей полнотой власти и имевший доверие императора, — наместник на Кавказе, великий князь Николай Николаевич (младший). Именно этот представитель Российского императорского дома и стал последним руководителем такой особой административно-территориальной единицы империи, как Кавказское наместничество.

Известие об отречении императора Николая II от престола достаточно быстро поменяло привычную картину власти на Кавказе. Вначале многие региональные политические деятели были шокированы полученным известием, не были исключением и грузинские меньшевики. Их областной комитет одним из первых получил сообщение об этом из Петрограда. Постарался председатель меньшевистской фракции в IV Государственной думе Николай Чхеидзе, который прислал своим коллегам по партии конспиративную телеграмму: «Мтаврбадзе скончался, сообщите родным и знакомым».

Лидеры меньшевистской партии — Ной Жордания и Ной Рамишвили — после получения известия отправились на прием к наместнику, где обсудили сложившуюся ситуацию и дальнейшие шаги. Это лишний раз подтверждает популярность и авторитетность этой партии среди населения Закавказья той поры, и власть не могла с этим не считаться¹. В свою очередь, налаженные кон-

¹ Об определенном доверии к этой политической силе говорил и сам наместник, что было зафиксировано в номере газеты «Танамедрове азри» («Современная мысль»): «...Должен сказать, я очень доволен Кавказом, так как беспорядки нигде не имели места. По-моему, это обстоятельство объясняется тем, что социал-демократия, которая имеет

такты с местной властью и серьезные позиции, занимаемые представителями этой партии в политическом центре страны, позволяли им чувствовать себя уверенно. Поэтому они высказывались за поступательное развитие революции, спокойную смену власти, и, конечно же, в отличие от большевиков их не интересовала кардинальная встряска, при которой они могли потерять все достигнутые результаты.

Великий князь и после получения судьбоносного известия об отречении Николая II надеялся сохранить прежний административный порядок в крае, однако события развивались слишком стремительно. Уже 3 марта состоялось собрание представителей районов и крупных предприятий Тифлиса под председательством известного меньшевика Ноя Жордании, на котором решили «немедленно же образовать Совет рабочих депутатов для поддержания революции в Петрограде и организации местной власти». Первое заседание новоиспеченного Совета состоялось на следующий день, где было принято решение «признать необходимым смещение старых административных властей, разоружение полиции и жандармерии, поставив на их место организованную на демократических началах власть и революционную милицию». Созданный одновременно при Совете Временный исполнительный комитет¹ обратился в правительство с просьбой «немедленно командировать на Кавказ одного или нескольких комиссаров из числа видных общественных деятелей».

Эсеры и меньшевики, будучи наиболее популярными среди населения Закавказья, участвовали в работе каждого Совета рабочих или солдатских депутатов, которые достаточно быстро возникли в Баку, Кутаиси и других крупных городах региона. Это вынуждены были признавать даже советские историки. В частности, Г. В. Хачапуридзе писал, что они «всюду продвигали своих людей. Во всех вновь создаваемых органах закавказской краевой власти — в Краевом совете рабочих и крестьянских депутатов, в Краевом совете Кавказской армии и в исполнительных комитетах — руководящие посты захватили грузинские меньшевики и эсеры, причем последние пользовались значительным влиянием в армии».

В ответ на просьбу командировать на Кавказ авторитетных людей из Петрограда пришла ободряющая телеграмма с сообщением о создании Временным правительством «в целях установления срочного порядка и устройства Закавказского края» Особого Закавказского Комитета (ОЗАКОМа), члены которого немедленно выехали в Тифлис. Как зафиксировано в правительственном постановлении, данный комитет должен был «действовать от имени

большое влияние на Кавказе, является сторонницей порядка. Я надеюсь, что и в будущем это продолжится так же».

¹ В состав Исполнительного комитета Тифлисского совета вошли пять членов самого Совета, пять гласных Городской думы и пять представителей Кавказской армии (трое — от Совета солдатских депутатов, двое — от офицерского корпуса).

и с правами Временного правительства [...] на основах, всенародно объявленных Временным правительством 6 марта 1917 г., а равно для принятия мер к устройству гражданского управления в областях, занятых по праву войны, на Кавказском фронте».

В состав этого своеобразного филиала Временного правительства вошли члены Государственной думы В. А. Харламов (председатель), М. И. Пападжанов, М. Ю. Джафаров, К. Г. Абашидзе и П. Н. Переверзев. Такой состав вызвал недовольство со стороны Тифлисского совета (где первую скрипку играли меньшевики), который стал настаивать на включение в ОЗАКОМ своего представителя. Временное правительство, не желавшее сразу идти на конфликт с другими политическими силами, пошло навстречу Тифлису и заменило Переверзева на авторитетного грузинского меньшевика Акакия Чхенкели, что серьезно укрепило позиции Совета рабочих депутатов и, соответственно, меньшевиков в Закавказье. Последний, по мнению советского историка Г. В. Хачапуридзе, стал играть в ОЗАКОМе «наиболее активную роль», достаточно быстро прибрав к рукам «все дела внутреннего управления».

Для координации деятельности нового органа и Временного правительства в состав последнего вводится должность комиссара по делам Кавказа и формируется специальное подразделение, в котором появляется «совет сведущих лиц»¹. Как объяснял это решение современник и участник подобных обсуждений Зураб Авалов, «некоторым казалось, что связь Закавказья с Россией, с правительственным ее центром в Петрограде, недостаточно обеспечивалась этим “озакомом”, и что, кроме того, желательно было вновь (как до революции) объединить высшее управление Южного и Северного Кавказа (разъединенных системой “озакома”). Для всего этого над двумя Кавказами думали поставить особого верховного комиссара». Первоначально, по его словам, «восстановленное, таким образом, в новых формах, наместничество думали [...] вверить Ф. А. Головину, бывшему председателю 2-й Государственной Думы», но после небольшой паузы на пост комиссара по делам Кавказа был назначен управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков², один из наиболее известных представителей партии кадетов. Его кратковременная деятельность носила формальный характер и прошла практически незамеченной для Кавказа.

Члены ОЗАКОМа прибыли в Тифлис, ставший своеобразным политическим центром Закавказья, 18 марта и сразу же выступили с успокаивающим воззванием к населению, где попытались обрисовать программу своей дея-

¹ Как видно из названия, Совет выполнял чисто консультативные функции. Собирался всего несколько раз в Зимнем дворце.

² Владимир Дмитриевич Набоков является отцом всемирно известного русского прозаика и поэта Владимира Владимировича Набокова.

тельности. Комитет намеревался обеспечить осуществление свободы совести, привлечь к управлению местные общественные силы, ввести выборный мировой суд и т. д. В воззвании особенно подчеркивалось, что «вопросы, имеющие общегосударственное значение, как-то: национальный, церковный, аграрный и рабочий — могут получить окончательное разрешение лишь в Учредительном собрании».

Интересна оценка ОЗАКОМа Зураба Авалова, принимавшего участие как в обсуждении данной структуры, так и кандидатов на включение в ее состав. Она импонирует своей откровенностью и некоей жесткостью: «“Особый Закавказский Комитет” был в сущности делегацией, для управления Закавказьем, российского Временного Правительства. От последнего он заимствовал свои полномочия — но и свою слабость. На Кавказе возникли очень скоро революционные организации по русскому образцу: советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и др. Благодаря их “засилью” и по разным другим причинам О. З. Комитет никогда не мог стать на деле тем “Закавказским Правительством по назначению из Петрограда”, коим он в сущности являлся». Он отмечает и малую заинтересованность самого Временного правительства в данном органе и регионе: «Временное правительство едва ли имело досуг, чтобы подумать более основательно о взаимоотношениях Кавказа и России. Отправив в Тифлис “озаком”, оно считало, что снабдило Закавказье временным органом, ему нужным».

Первые мероприятия ОЗАКОМа были поддержаны резолюциями двух краевых съездов — Закавказского съезда представителей Совета рабочих депутатов и Закавказского съезда исполнительных комитетов. В них делегаты высказались за проведение политики коалиций и соглашений, которая позволит объединить все политические силы края для достижения главной цели — создания демократической республики. Окончательное решение таких важных вопросов, как рабочий, земельный и национальный, оба съезда оставляли за Учредительным собранием.

На первых крупных съездах, помимо поддержки ОЗАКОМа, проявилось и противостояние, ставшее во многом ключевым как для Грузии, так и для всего Закавказья, национальных партий и сил, в первую очередь, грузинских меньшевиков во главе с Ноем Жорданием и большевиков (на первоначальном этапе их лидером и главным рупором выступал популярный в массах Степан Шаумян).

Например, на съезде представителей Закавказских Советов рабочих депутатов¹ яростная дискуссия возникла уже по первому плановому вопросу — «о моменте и тактике». Жордания заявил, что «российскую революцию

¹ Состоялся в Тифлисе 18–19 марта. Председателем съезда избрали Ноя Жордания, а товарищем председателя — Степана Шаумяна.

совершили три силы: пролетариат, армия и буржуазия. Следовательно, эти силы должны действовать в контакте, взаимно согласовывая свои выступления, что организованный пролетариат не должен запугивать буржуазию, дабы не остаться изолированным». Шаумян же, в свою очередь, как большевистский лидер, настаивал на недооценке роли революционного крестьянства и пролетариата и, соответственно, переоценке «революционной сущности буржуазии». В результате съезд вынужден был выступить с компромиссной итоговой резолюцией о моменте: «Съезд Советов рабочих депутатов Закавказья ближайшей политической целью считает доведение революции до демократической республики. В этой борьбе организованный пролетариат действует совместно с теми революционными и оппозиционными классами, которые стремятся к той же основной политической цели: к демократической республике. Стоя на почве радикального решения рабочего и национального вопроса в пределах буржуазного строя и борясь за конфискацию земель в пользу народа, пролетариат, в интересах сохранения единства движения всех революционных и оппозиционных сил, предлагает для урегулирования текущих экономических и иных конфликтов прибегать к соглашениям заинтересованных сторон, учреждая, где возможно, примирительные камеры. Окончательное же решение указанных выше вопросов предоставляется Учредительному собранию, причем во время предвыборной кампании рабочий класс выступает со своими программными требованиями и развернутым знаменем».

Подспудная борьба между разными политическими силами, принявшими участие в революционных событиях, стала постепенно выходить на поверхность, вовлекая все новые и новые организации и институты (местные органы власти, различные выборные структуры — съезды, советы, исполкомы и т. д.). Разношерстная политическая коалиция, собранная под знаменами революции и лозунгом «Долой самодержавие», быстро стала трещать по швам как в Центральной России, так и на окраинах. Эта сразу ставшая заметной тенденция на обособление крупных политических партий друг от друга обнажила высокую вероятность приближающейся схватки за власть. Ведь подобное многовластие, а фактически двоевластие не могло существовать долго...

В столице борьба за власть закончилась октябрьским переворотом, на окраинах она растянулась еще и на 1918 г. Весной же и летом 1917-го противостояние протекало достаточно мирно, выплескиваясь на различных съездах и заседаниях, но в полной мере будучи зафиксированным в тексте итоговых резолюций и других сопутствующих документов. Например, в мае 1917 г. в Тифлисе прошли два крупных съезда¹, которые зафиксировали наибольшую поддержку среди насе-

¹ Кавказский Краевой съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов и I Краевой съезд Кавказской армии.

ления и солдат Кавказской армии меньшевиков и эсеров. Большевики заметно уступали им по количеству своего представительства на обоих собраниях.

На них были подтверждены основные задачи переживаемой революции: во-первых, «завершение этой революции должно быть установление демократической республики через Учредительное собрание»; во-вторых, «приближение мира на началах братства и равенства свободных народов», однако «пока воюющие против нас государства не откажутся от завоевательных целей», то «мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла», поэтому совершенно патриотический, верно-подданныческий итог — «под словом оборона съезд понимает ведение войны в тесном единении сношений с союзниками». Таким образом, съезд высказал полную поддержку внешнеполитическому курсу Временного правительства на продолжение войны (что активно критиковалось большевиками!).

В резолюции по рабочему вопросу главным моментом стала же, конечно, поддержка «основного требования пролетариев всего мира» — установления 8-часового рабочего дня. Плюс к этому подчеркивалось, что все потенциальные конфликты, споры между промышленниками и рабочими должны разрешаться путем переговоров и соглашений через «примирительные камеры», то есть согласительные комиссии с равным представительством рабочих и работодателей.

Разрешение земельного вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания. Все самозахваты земли порицались и признавались незаконными, как и «все сделки по покупке, продаже, залогу и по долгосрочной аренде земель». Для сохранения порядка на селе и предотвращения разрухи подчеркивалась необходимость «повсеместного учреждения земельных комитетов из представителей трудовой демократии, по селениям, уездам и губерниям». До Учредительного собрания отложили и всяческое обсуждение национального вопроса. Более того, любые «попытки разрешения его до Учредительного собрания» были «недопустимы» и признавались «как вредные».

Особенно остро стоял земельный вопрос в связи с участвовавшими случаями самозахвата земли. Поэтому ОЗАКОМ был вынужден уже в апреле выступить со специальным распоряжением «всем губернским и уездным исполнительным комитетам о принятии срочных мер к прекращению захвата помещичьих земель крестьянами», где объявлялось о «недопустимости» подобных действий. Как отмечалось в документе, окончательные принципы землепользования и землевладения должно установить Учредительное собрание, но, понимая остроту вопроса, ОЗАКОМ «учредил Временную комиссию по поземельным делам Закавказского края и имеет в виду образовать с той же целью подкомиссии в каждой губернии и уезде». Кроме того, «для предупреждения самовольных решений земельных вопросов населению следует указывать на желательность устройства примирительных комиссий из землевладельцев

и земледельцев при уездных и сельских комитетах, плюс к этому «в целях успокоения населения [...] командировать уполномоченных лиц для разъяснения недопустимости самоуправства». Напротив, самовольные захваты земельных участков и рубка леса стали только учащаться, что заставило комитет издать специальный циркуляр за подписью Чхенкели, в котором повторялось о разрешении земельного вопроса на Учредительном собрании и наказании всех нарушителей порядка в крае. Однако подобные циркуляры не приносили никакой практической пользы: ОЗАКОМ был вынужден рассылать и дальше отчаянные телеграммы местным губернским, уездным или участковым комиссарам с требованием принятия срочных мер по тому или иному случаю. Яркий пример — телеграмма комитета от 19 августа мцхетскому участковому комиссару, где Пападжанов призвал принять «самые энергичные меры против самовольной рубки леса Софии Ратиевой крестьянами Презети и Горовани».

Таким образом, к лету 1917 г. ясно определился характер краевой власти. Она оказалась достаточно независимой от Петрограда и в то же время зависимой от местных политических сил, сконцентрированных в депутатских Советах. Отсюда ее слабость и явное стремление к компромиссам и соглашениям, особенно при решении таких острых вопросов, как национальный, рабочий и аграрный.

Радикальные изменения произошли и в экономическом центре Закавказья — Баку. Узнав 15 марта о революции, рабочие на следующий день объявили всеобщую «приветственную» забастовку. На большом митинге, состоявшемся во дворе Городской управы, было решено послать приветственную телеграмму в адрес Временного комитета Государственной думы. В ночь на 18 марта из представителей общественных организаций был создан новый орган власти — Бакинский временный исполнительный комитет, в состав которого вошли представители городского самоуправления, Совета рабочих депутатов, кооперативов, профсоюзов, продовольственного Соперничания. Совет рабочих депутатов в Баку возник практически одновременно, его председателем был избран большевик Степан Шаумян. В Восточном Закавказье позиции меньшевиков были весьма слабыми, здесь достаточно быстро стали набирать вес другие национальные силы в лице «Мусавата» и «Дашнакцутюна», которые начали успешно конкурировать с большевиками.

Меньшевики же заметно усиливали свои позиции как в центральных органах новой власти, так и на местах. Первый правительственный кризис заставил изменить состав правительства, в отставку ушли кадет Павел Милюков и октябрист Александр Гучков. Вслед за этим было создано Первое коалиционное правительство, в котором 6 из 15 мест заняли социалисты, представлявшие Исполнительный комитет Петроградского совета; туда вошли как раз меньшевики, и увеличилось представительство эсеров. В первом коалиционном

составе очутились два меньшевика — Михаил Скобелев, ставший министром труда, и Ираклий Церетели, занявший пост министра почт и телеграфов¹.

Меньшевики смогли сохранять свое представительство в правительстве во всех его последующих составах, причем наибольшее количество министерских мест им удалось занять в сентябре 1917 г., в третьем коалиционном составе (МВД, Минюст, Минтруда, Министерство почт и телеграфов). Это позволило им следить за политической ситуацией в стране и участвовать в принятии многих важных политических решений. Как пишет видный советский и российский историк С. В. Тютюкин о меньшевиках, «революция быстро вынесла их на авансцену политической жизни России: они захватили ведущие позиции в исполкоме Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, который во многом определял тогда политическую ситуацию в стране, а в мае 1917 г. вошли в состав коалиционного Временного правительства, где М. И. Скобелев и И. Г. Церетели получили соответственно портфели министров труда и почт и телеграфов. Добавим, что в дальнейшем членами Временного правительства стали меньшевики К. А. Гвоздев, А. М. Никитин и П. Н. Малянтович. Н. С. Чхеидзе был избран председателем Петросвета, а на I Всероссийском съезде советов в июле 1917 г. — председателем ВЦИК советов. Популярность меньшевизма быстро росла, и не будет преувеличением сказать, что в 1917 г. меньшевики стали одной из трех главных партий социалистической ориентации, оказывавших значительное влияние на рабочие, солдатские и крестьянские массы и на ситуацию в стране в целом». По наблюдениям Тютюкина, «доминировали в меньшевистских кругах до октября 1917 г. взгляды Церетели: курс на упрочнение буржуазно-демократического строя, признание необходимости защиты революционной России от внешнего врага впредь до заключения всеобщего демократического мира, полное доверие коалиционному Временному правительству, призыв к соглашению пролетариата и буржуазии на основе взаимных уступок, оттягивание решения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания».

За период с февраля по октябрь меньшевики упрочили свои позиции и в Закавказье, особенно на территории Тифлисской и Кутаисской губерний. Этому способствовало и принятие Временным правительством во главе с Керенским специальной инструкции ОЗАКОМу с определением границ полномочий и функционала последнего. Интересно, что Временное правительство использовало старый опыт управления Кавказом (реанимировав имперское законодательство и формат наместничества), обозначив, что круг прав и обязанностей «Особого комитета по управлению Краем определяется законами о Кавказском наместничестве с ограничениями, обусловленными тем, что власть Особого комитета распространяется лишь на губернии, области и округа Закавказского края».

Глава 2

«Текущий момент и грузинский народ»

Октябрьские события в Петрограде были негативно восприняты во многих уголках бывшей Российской империи, и Кавказ (как Северный, так и Южный) не являлся исключением. Политическая элита Закавказья с самого начала обрушилась с критикой на действия большевиков и не признала захваченную ими в ходе столичного переворота власть. Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания на заседании Тифлисского совета весьма четко выразил общую позицию: «Мы требовали и требуем ликвидации Петроградского восстания путем соглашения внутри демократии и создания однородной власти, объединяющей всю демократию для общей борьбы с надвигающейся контрреволюцией». ОЗАКОМ в телеграмме от 28 октября 1917 г. объявил, что «в Петрограде произошел кризис власти в связи с выступлением большевиков, рабочих, также гарнизона», и призвал тифлисского губернского комиссара принять «самые решительные меры к сохранению порядка и спокойствия», не допускать «никаких нарушений и никаких самочинных выступлений», а также разъяснять «населению весь вред беспорядков на почве захвата власти накануне выборов в Учредительное собрание». Для эффективности принимаемых мер по борьбе с революционным движением, по специальному циркуляру ОЗАКОМа за подписью Чхенкели, всем губернским, областным и окружным комиссарам предоставлялось право производства административных, то есть внесудебных арестов (на срок до трех месяцев)¹.

Большевистская угроза консолидировала основные политические силы Закавказья, которые первоначально объединились в Комитете общественной безопасности². 11 ноября в Тифлисе на его базе было созвано совещание всех

¹ «Аресты на срок свыше 3-х месяцев могут быть произведены лишь с разрешения Особого Закавказского комитета».

² Последний был создан поздней ночью 25 октября на объединенном чрезвычайном заседании Исполкома Тифлисского совета и Кавказского краевого центра Советов солдат-

¹ Последний в июле временно занимал пост главы МВД.

ние ими нефти надо обставить так, чтобы мы их держали всегда в своих руках. По договору они обязаны очистить Батум от англичан, и если это будет затягиваться, мы сможем закрыть нефть в нефтепроводе, как выходящем в Батум к англичанам, это будет серьезным кнутом для них, так как они тоже получают нефть по нефтепроводу в Тифлис для всех своих нужд».

Таким образом, и Москва, и Тифлис получили более полугода на подготовку к лобовому столкновению. Советская Россия провела это время с большей пользой, и события зимы 1921 г. отлично это продемонстрировали...

И все-таки, подводя предварительный итог, надо сказать, что мирная передышка была нужнее Грузинской Республике. Это продлило ее существование еще на полгода, в отличие от Азербайджана, судьба которого была решена сразу. Действительно, заинтересованность Грузии в подобном соглашении была значительная. Сам Григорий Уратадзе после заключения договора писал: «Это был первый случай, когда государство признавало независимость части своей территории раньше, чем это сделали бы другие государства». Это подтверждает проявление бурной радости в Тифлисе, да и по всей Грузии, после объявления министром иностранных дел Евгением Гегечкори о подписании в Москве. К примеру, последний в ходе выступления перед депутатами Учредительного собрания Грузии сказал: «Граждане! Между Россией и Грузией заключен мирный договор. [...] В конце концов, наше правое дело победило, и наши старания завершились успехом... Вопрос границ решен на приемлемых для Грузии условиях. [...] Ни у России, ни у Грузии, если их правящие круги осознают объективные интересы своих народов, нет таких спорных вопросов, которые невозможно решить мирно, путем переговоров...»

Валико Джугели, как и многие политические деятели Грузии, считал, что Россия пошла на уступки на переговорах в Москве из-за тяжелой ситуации на других направлениях, в частности на польском. В Тифлисе, по его словам, оценили, что момент для заключения мирного договора крайне удачен, что большевики пойдут на любые уступки, дабы только подписать мир и обезопасить свой тыл. Он с огромной радостью встретил известие о подписании, назвав его «великой, бескровной, блестящей победой». «Россия безоговорочно признала нашу независимость, самостоятельность и свободу. Она отказалась в пользу Грузии от Батумской области и Закатальского округа. Кажется, наступают мирные, счастливые времена», — с восторгом сделал запись Джугели в своем дневнике от 11 мая.

Помимо перемирия с Москвой и официального признания с ее стороны, Грузия получала важный аргумент в длительном торге с великими державами в вопросе международного признания республики. Грузия получала гарантии регулярных поставок нефтепродуктов, в чем была кровно заинтересована.

Глава 3

Кавказское бюро против...

Подписанный в Москве договор вызвал протесты со стороны Армении и Азербайджана, имевших серьезные территориальные споры с Грузией. Претензии азербайджанских властей, теперь советских, были поддержаны стоявшими за ними руководителями Кавбюро как еще один предлог для силовой операции по советизации Грузии. В телеграмме от 10 мая Орджоникидзе, Киров и Смилга заверяли Ленина, что названный по договору грузинским Закатальский округ «является бесспорно азербайджанской и мусульманской территорией», и угрожали в случае потворства грузинским притязаниям азербайджано-грузинской войной.

Нарком Чичерин был крайне недоволен действиями представителей Кавбюро, идущими вразрез с принятой в Москве политической линией в отношении Закавказья, и вынужден был отправить весьма гневное письмо, прощая говоря, отповедь в Баку лично Орджоникидзе. Мы приводим его полностью, так как в каких-то дополнительных комментариях оно не нуждается: «Тов. Орджоникидзе. Наша политика есть мировая политика, а не ограничивается одним Кавказом. Во всех Ваших сообщениях Вы абсолютно игнорируете наши мировые интересы. Действиями, вытекающими из местных интересов, Вы можете страшно повредить нашим мировым отношениям. Относительно Англии мы не должны форсировать процесса, наш мир с Грузией будет иметь в Англии величайший эффект, затрудняя политику группы Черчилля, это повысит наш престиж во всем мире. Нам в данный момент полезен там заслон. Вы должны во что бы то ни стало удерживать товарищей от авантюры, могущих нам страшно повредить. Вопрос о тех или других ущемлениях отступает перед основными, мировыми, однако перечисленные Вами ущемления вовсе не отданы Грузии. Вы ошиблись. Границу определил Реввоенсовет по сношении с Кавфронтом. Здешние грузины подтверждают принадлежность Закатальского округа Грузии, однако вследствие Вашего протеста, мы надавили, чтобы грузинские войска туда

не вступали. Во всех спорных вопросах окончательное решение будет в наших руках, но Вы со своей стороны облегчите нашу задачу, не допуская авантюры. 11 мая 1920 г. Чичерин».

Поддержка Кавбюро РКП(б) азербайджанских претензий на ряд территорий, в первую очередь Карабах и Нахичеванский район (Нахичевань — Ордубад — Джульфа), привела к очередному обострению с Арменией, что явно не входило в планы Москвы. Как раз в столице в конце мая начались переговоры с представителями Армении, и деятельность Кавбюро вела только к осложнению дипломатического общения. В связи с этим 25 мая 1920 г. Политбюро приняло решение «продолжать переговоры с правительством Армении, не беря на себя инициативы немедленной советизации с помощью русских войск...». О данном решении были проинформированы и бакинские товарищи, однако Орджоникидзе в своих телеграммах по-прежнему яростно отстаивал азербайджанскую позицию. Так, в телеграмме от 19 июня на имя Чичерина Серго писал: «Азербайджан претендует на Карабах, Зангезур, Нахичеванский и Шаруро-Даралагезский уезд. В Карабахе и Зангезуре провозглашена Советская власть и вышеупомянутые территории считают себя частью Азербайджанской советской республики. Нахичевань уже несколько месяцев в руках повстанцев-мусульман...»

Орджоникидзе не ограничивал себя только эпистолярным жанром, одновременно он активно поддерживал деятельность повстанческих отрядов на армянской территории и спорных районах. В частности, именно при поддержке Кавказского краевого комитета партии в мае 1920 г. в разных городах и населенных пунктах Армении — Эривани, Александрополе, Карсе, Саракмыше, Баязет-Казахе и др. — прошли антиправительственные выступления, организованные местными коммунистами. Последние попытались перевести все акции в общее восстание, и 10 мая ВРК Армении в Александрополе объявил Армению советской республикой. Однако правительство смогло за три дня подавить восстание и арестовать ее инициаторов. 23 мая по подобному сценарию (создание ВРК и объявление советской власти) началось новое восстание в Караван-Сарайском уезде, опять неудачное. В начале июня по приказу Орджоникидзе 11-я армия даже оказала военную помощь армянским повстанцам в Казахском уезде.

Все эти самостоятельные действия вызвали гневную телеграмму Чичерина от 19 июня: «По прямому проводу немедленно передать в Ростов-на-Дону для немедленной передачи в Баку под личной ответственностью политконтра в Ростове. Тов. Орджоникидзе. В Баку или Владикавказ послать вслед и вручить по местонахождению. Политика мира и компромисса с буржуазной Грузией, дашнакской Арменией и турецкими националистами продиктована ЦК партии по соображениям общей политики и должна неукоснительно проводиться.

Удерживайте товарищей от действий, идущих с ней вразрез. Наши представители — Киров в Тифлисе и Лергран в Эривани будут ее проводить, противодействовать мошенничествам правительств, ограждать коммунистов. Мы не должны вооружать осетин: наоборот, удерживать их, ограждая от репрессий. Если в Закатальском округе создан контрреволюционный центр, это противоречит договору. Киров его ликвидирует, но мы не должны туда вводить новых войск. Карабах, Зангезур, Шуша, Нахичевань, Джульфа не должны присоединиться ни к Армении, ни к Азербайджану, а должны быть под Российскими оккупационными властями с созданием местных советов, ибо другое решение сорвало бы нашу политику мира, требуемую общим положением».

Нарком, крайне недовольный таким своеволием членов Кавбюро, инициировал обсуждение на заседании Политбюро 22 июня вопроса «О политике на Кавказе». В личной записке, присланной по этому вопросу, Чичерин обрушился с критикой на действия представителей Кавбюро во главе с Орджоникидзе: «Недисциплинированность Бакинских товарищей и вопиющее противоречие между их действиями и установленной ЦК политической линией заставляют принять меры для их обуздания. Такою мерою должно быть назначение отсюда авторитетного товарища, не связанного с Кавказской группой деятелей, с полномочиями от Совнаркома, в качестве представителя в Баку. В то время как ЦК постановил вести линию компромисса с буржуазными правительствами Грузии и Армении, дипломатическим путем вырывать там почву из-под ног Антанты и отверг советизацию Армении, считая несвоевременным отвлекать в этом направлении больше наших сил, Бакинские товарищи своими действиями срывают компромиссы, отвергают требуемое ЦК заключение соглашения с Арменией, способствуют восстаниям, настаивают на присоединении к Азербайджану тех спорных территорий, которые постановлено занять нашими силами и присоединение которых к Азербайджану сделает совершенно невозможным соглашение с Арменией. Вся эта боевая политика Бакинских товарищей идет коренным образом вразрез с линией, уже установленной ЦК». Нарком иностранных дел предложил прислать в Баку полномочного представителя, который бы стал курировать деятельность Кавбюро согласно принятым в Москве решениям: «Избежать срыва последней можно лишь в том случае, если авторитетный представитель центра будет систематически сдерживать местных товарищей».

По итогам обсуждения данного вопроса на Политбюро решили «предложить Наркоминотдел [с]формулировать совершенно точно инструкцию [...] наиболее ответственным работникам на Востоке на основании имеющихся до сих пор постановлений Политбюро и вытекающих из них выводов. Обязать военное ведомство эту инструкцию после одобрения Политбюро преподать к руководству всем ответственным военным работникам с предупреждением,

что они обязываются все свои действия строжайшим образом сообразовать с этими указаниями. Такие же указания дать всем членам Кавказского Бюро ЦК. Поручить Наркоминделу послать инструкцию т. т. Кирову и Леграну». Уже 7 июля «Инструкция Реввоенсовету Кавказского фронта», составленная НКВД, была обсуждена на заседании Политбюро и утверждена. В документе, в частности, говорилось: «Следует безусловно воздерживаться от попыток вызывать восстание против правительства Грузии, Армении и Турции. Надо разъяснять тем элементам в этих республиках, которые стремятся к перевороту, что по общеполитическим соображениям ввиду как мировой конъюнктуры, так и нашего военного положения они не должны в настоящее время приступать к осуществлению своей цели... Так как наше военное положение не допускает занятия русскими частями Карабаха, Зангезурского уезда, Нахичевани, Джульфы, Шаруро и Даралагезского уезда, российские военные власти должны ограничиться занятием тех спорных между Арменией и Азербайджаном местностей, которые ими теперь заняты [...] с устранением вмешательства войск тех или других соседних республик, как и было уже постановлено российского правительством и передано советским властям на Кавказе [...]».

Вопрос об Орджоникидзе больше не поднимался, ему при помощи Сталина удалось сохранить значительную самостоятельность, и вскоре он не преминул ею воспользоваться. Подчеркнем, что, в отличие от Азербайджана, советизация двух других республик лоббировалась группой Орджоникидзе. Яркой наступательной линией поведения Серго поддерживалась Сталиным, правда, с некоторыми оговорками, и одновременно вызывала резкую критику, если хотите, просто регулярные окрики из центра «не зарываться» — от Ленина и Чичерина. Серьезная обстановка за пределами Кавказа — Польша, Крым, налаживание контактов с Европой — не позволяли заниматься регионом в полную силу, чего не мог видеть и осознавать Серго Орджоникидзе, сидя в Баку. Позиция Москвы представляется весьма прагматичной и взвешенной, она заключалась в том, чтобы решать проблемы по очереди, и так как Грузия и Армения не являлись первоочередными, то их решение принято было отложить на более благоприятное время.

Несмотря на вышеперечисленные разногласия, Орджоникидзе оставался востребованной фигурой для высшего советского руководства, в первую очередь Ленина, в свете высокого уровня личного доверия и большого стажа прямого общения с вождями, а также богатого регионального опыта работы и огромного авторитета среди местных революционеров¹. Не будет большим преувеличением назвать именно Серго Орджоникидзе главным исполните-

¹ Весьма показательная выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 27 ноября 1920 г., где был заслушан доклад Сталина о кавказских делах, по итогам которого, в частности, постановили:

лем и организатором операций по советизации Закавказья, а также их главным лоббистом, кровно заинтересованным в успехе запланированных операций. В период их подготовки и проведения Серго не чурался практически любых способов — от отчаянных и гневных телеграмм в Москву, в Кремль, где периодически сгущал краски до крайности, до откровенных провокаций на границах закавказских республик и внутри них.

Таким образом, Орджоникидзе в тот период являлся своеобразным советским наместником Кавказа, напрямую подчинявшимся Кремлю. Он стал главным куратором всего экспорта революции на Восток. Товарищ Серго выделяет финансирование и контролирует действия азербайджанских отрядов и персидских частей в Иране, помогает советниками персидскому правительству Кучухана, активно контактирует с турками, под его управлением идет деятельность коммунистических организаций Грузии и Армении, не говоря уже об Азербайджане, где находилась штаб-квартира Орджоникидзе. В частности, под его непосредственным контролем находилась и вся диверсионно-пропагандистская деятельность закавказских коммунистов, им выделялись средства на подготовку восстаний и антиправительственных выступлений сначала в Азербайджане, затем в Армении и Грузии.

31 июля на Политбюро было принято решение о налаживании прямых контактов с турками именно через Армению, которую предполагалось советизировать первой, оставив Грузию на более позднее время. Орджоникидзе и другие члены Кавказского бюро партии сделали очередную попытку повлиять на изменение принятого решения. 3 августа из Баку была послана телеграмма в Кремль, где прямо говорилось об ошибочности выбранного направления. Члены Кавбюро считали «своим долгом указать, что путь связи с Турцией должен быть установлен не через Армению, а через Грузию, которую желательнее советизировать по следующим соображениям: 1) советизация Грузии лишает базы терских и кубанских контрреволюционеров и помощи Грузии Врангеля; 2) связь с Турцией устанавливается каботажом по черноморскому

«б) Обязать т. Орджоникидзе остаться в Баку, приняв на себя общее политическое руководство Азревкома и Советом Действия.

в) Поручить т. Сталину сговориться с т. Чичериным о дополнительных мерах к обеспечению более правильной внешней политики в приграничных с Кавказом государствах с использованием для этого т. Орджоникидзе.

г) Поручить Компроду, как важнейшую политическую и экономическую задачу, снабжать Баку обязательно и аккуратно продовольствием в 100% нормы. Предполитику в Азербайджане смягчить, именно, с крестьян в Азербайджане за пределами Мугани вовсе не брать хлеба, а в Мугани брать архиосторожно. [...]

Принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, то есть направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны. Не ставить своей задачей похода ни на Грузию, ни на Армению, ни на Персию. Главной задачей признать охрану Азербайджана и прочное обладание всем Каспийским морем».

ПРИЛОЖЕНИЕ I (В)

Принимая во внимание, что пограничной линией, как это указано в Приложении I (А), являются тальвеги рек Арпа-чай и Аракса, правительство Великого Национального собрания обязуется отодвинуть линию блокгаузов на расстояние восьми верст от железной дороги Александрополь — Эривань в настоящем ее начертании в районе Арпа-чай и на расстояние четырех верст от вышеупомянутой железнодорожной линии в районе Аракса. Линии, ограничивающие вышеупомянутые районы, указаны ниже для зоны Арпа-чай в пунктах А и Б параграфа I и для зоны Аракса в параграфе II.

I. Зона Арпа-чай

а) К юго-востоку от Вартанлы — к востоку от Узун-Килиса — через гору Бозяр (5096) — 5082 — 5047 — к востоку от Кармир-ванк — Учъ-тапа (5578) — к востоку от Араз-оглы к востоку от Ани — достигает Арпа-чай к западу от Еникей.

б) Отходит от Арпа-чай к востоку от высоты 5019 — идет прямо к высоте 5481 — в 4½ верстах к востоку от Кызылкула — в двух верстах к востоку от Боджалы — затем река Дигор-чай — следует вдоль этой реки до деревни Дуз-Кечут идет прямо к северу от развалин Карабаг и выходит на Арпа-чай.

II. Зона Аракса

Прямая линия между Хараба Алиджан и деревней Сулейман (Диза).

В зонах, ограниченных с одной стороны линией железной дороги Александрополь — Эривань и — с другой, линиями, расположенными в расстоянии восьми и четырех верст от вышеуказанной железнодорожной линии, правительство Великого Национального собрания обязуется не возводить каких бы то ни было фортификационных укреплений (эти линии расстояния находятся вне вышеуказанных зон) и не содержать в них регулярных войск. Однако оно сохраняет право иметь в вышеуказанных зонах войска, необходимые, для поддержания порядка, безопасности и для административных надобностей.

Георгий Чичерин, Юсуф Кемаль
Джелал Коркмасов, д-р Риза Нур, Али Фауд

ПРИЛОЖЕНИЕ I (С)**Территория Нахичевани**

Станция Арарат-гора Сарай-Булаг (8071) — Кемурлю-даг (6839), (6930) — 3080 — Саят-даг (7868) — деревня Курт-кулаг (Кюрт-кулаг) — Гамесур-даг (8160) — высота 8022 — Кюки-даг (10282) и восточная, административная граница прежнего Нахичеванского уезда.

Георгий Чичерин, Юсуф Кемаль
Джелал Коркмасов, д-р Риза Нур, Али Фауд

*Публикуется по: Документы внешней политики СССР.
Т. 3. М., 1959. С. 597–604.*

№ 159**Союзный Договор между РСФСР и ССР Грузии**

21 мая 1921 г.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, с одной стороны, и правительство Социалистической Советской Республики Грузии — с другой, исходя из провозглашенного Великой Пролетарской Революцией права народов на самоопределение, признавая независимость и суверенность каждой из договаривающихся сторон и сознавая необходимость сплотить свои силы как в целях обороны против внешних врагов, так и в интересах своего хозяйственного строительства, решили заключить Союзный рабоче-крестьянский договор, для чего назначили своими уполномоченными: Правительство РСФСР — народного комиссара по иностранным делам Георгия Васильевича Чичерина, а правительство ССРГ — народного комиссара по просвещению Мамия Орахелашвили.

Статья 1

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Социалистическая Советская Республика Грузии вступают в военный и хозяйственный союз.

Статья 2

Обе Республики объявляют, что все общие обязательства, которые они впредь будут принимать на себя, могут обуславливаться лишь общностью интересов рабочих и крестьян, заключающих настоящий Союзный договор республик, и что из самого факта прежней принадлежности Социалистической Советской Республики Грузии к бывшей Российской империи для ССРГ не вытекает никаких обязательств.

Статья 3

Для лучшего осуществления указанной в статье 1 цели оба правительства согласны заключить дополнительное соглашение об объединении военной организации и военного командования, а также и тех хозяйственных органов, относительно коих подобное объединение будет признано целесообразным.

Указанное соглашение предусмотрит порядок и формы объединенных органов.

Статья 4

Руководство объединенными органами, а также и контроль за ними будут осуществляться через Всероссийские съезды Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а также через ВЦИК, в которые ССРГ будет посылать своих представителей.

Порядок послышки таковых представителей имеет быть представлен на утверждение Всероссийского съезда Советов.

Статья 5

Настоящий Договор вступает в силу со дня подписания.

Составлен и подписан в двух экземплярах в г. Москве 21 мая 1921 года.

Георгий Чичерин
Мамия Орахелашвили

*Публикуется по: Документы внешней политики СССР.
Т. 4. М., 1960. С. 130–131.*

№ 160

Договор о дружбе между Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР, с одной стороны, и Турцией — с другой, заключенный при участии РСФСР в Карсе

13 октября 1921 г.¹

Правительства Социалистической Советской Республики Армении, Азербайджанской Социалистической Советской Республики и Социалистической Советской Республики Грузии, с одной стороны, и правительство Великого Национального собрания Турции — с другой, разделяя принципы братства наций и право народов на самоопределение, воодушевляемые желанием установить между ними постоянные сердечные взаимоотношения и непрерывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах обеих сторон, решили приступить к переговорам при участии Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в целях заключения Договора о дружбе и назначила для сего своими уполномоченными:

правительство Социалистической Советской Республики Армении: Асканаз Мравяна, народного комиссара по иностранным делам, Погоса Макинзяна, народного комиссара по внутренним делам;

правительство Азербайджанской Социалистической Советской Республики: Бехбуда Шахтахтинского, народного комиссара Государственного контроля;

правительство Социалистической Советской Республики Грузии: Шалву Элиава, народного комиссара по военным и морским делам, Александра Сванидзе, народного комиссара по иностранным делам и народного комиссара финансов;

правительство Великого Национального собрания Турции: Кязима Карабек-кир-пашу, депутата Великого Национального собрания от Адрианополя, командующего Восточным фронтом, Вели-бея, депутата Великого Национального собрания от Бурдура, Мухтар-бея, бывшего помощника статс-секретаря общественных работ, Мемдуха Шевкет-бея, полномочного представителя Турции в Азербайджане;

правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: Якова Ганецкого, полномочного представителя в Латвии,

Каковые после обмена полномочиями, найденными в надлежащей и законной форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Правительство Великого Национального собрания Турции и правительства Социалистических Советских Республик Армении, Азербайджана и Грузии считают отмененными и не имеющими силы договоры, заключенные между государствами¹, ранее осуществлявшими свои суверенные права на территории, входящей ныне в состав территории договаривающихся сторон, и касающиеся вышеупомянутых территорий, а равно и договоры, заключенные с третьими державами и касающиеся Закавказских Республик.

Считается установленным, что настоящая статья не применяется к Турецко-русскому договору, заключенному в Москве 16 марта 1921 (1337) года².

Статья 2

Договаривающиеся стороны соглашаются не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою одна из них. В силу этого правительства Социалистических Советских Республик Армении, Азербайджана и Грузии соглашаются не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных национальным правительством Турции, представленной ныне ее Великим Национальным собранием.

(Под понятием Турция в настоящем Договоре подразумеваются территории, включенные в Национальный турецкий пакт от 28 января 1920 (1336) года, выработанный и провозглашенный Оттоманской палатой депутатов в Константинополе и сообщенный прессе и всем государствам.)

Со своей стороны, правительство Великого Национального собрания Турции соглашается не признавать никаких международных актов, касающихся Армении, Азербайджана и Грузии и не признанных соответствующими правительствами этих стран, представленными ныне Советами Армении, Азербайджана и Грузии.

Статья 3

Правительства Социалистических Советских Республик Армении, Азербайджана и Грузии, признавая режим капитуляций несовместимым с свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считают потерявшими силу и отмененными всякого рода функции и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму.

Статья 4

Северо-восточная граница Турции (согласно карте русского Генерального штаба масштабом 1/210 000 — 5 верст в дюйме) определяется линией, которая начи-

¹ Обмен ратификационными грамотами произведен в г. Ереване 11 сентября 1922 г.

¹ В подлиннике — entre les gouvernements (между правительствами).

² См. текст Московского договора от 16 марта 1921 г. (документ № 158, с. 856–862).

Содержание

Введение.....	5
Часть I. На пути к независимости	9
Глава 1. Судьбоносный 17-й.....	9
Глава 2. «Текущий момент и грузинский народ»	17
Глава 3. Дележ армии.....	26
Глава 4. По дороге к Шамхору... ..	32
Глава 5. Шамхорское побоище.....	45
Глава 6. Краевая власть перед лицом катастрофы (февраль — май 1918 г.).....	75
Часть II. Время независимости: иллюзия свободы...	
Внутриполитическое положение Грузии	90
Глава 1. Политическая модель и конституция Грузинской Республики	90
Глава 2. Иллюзия свободы, или Реалии европейской оккупации... ..	107
Глава 3. Социально-экономическое положение Грузинской Республики	143
Глава 4. Образовательная и культурная сферы.....	192
Глава 5. Военная политика и организация вооруженных сил Грузинской Республики	230
Часть III. На дальних берегах...	
Внешняя политика Грузинской Республики	268
Глава 1. Трудная дорога в Париж.....	272
Глава 2. Грузия и Германия	289
Глава 3. Грузия и Турция	311
Глава 4. Грузия в планах и политике стран Антанты	322

Часть IV. Время независимости: удавка национализма...

Грузия и ее ближайшие соседи.....	383
Глава 1. Грузино-азербайджанские отношения	383
Глава 2. Грузино-армянские отношения	391
Глава 3. Грузинская политика в отношении Абхазии	453
Глава 4. Грузинская политика в отношении Южной Осетии.....	485
Глава 5. Грузинская политика в отношении Северного Кавказа.....	501
Глава 6. Грузинская Республика и ее взаимоотношения с Белым движением	520

Часть V. «Над Тифлисом реет красное знамя

советской власти»	552
Глава 1. Советизация Азербайджана.....	553
Глава 2. Московский договор 1920 г.	558
Глава 3. Кавказское бюро против.....	565
Глава 4. Советизация Армении.....	571
Глава 5. На пороге войны.....	576
Глава 6. Антигрузинское восстание в Лорийской зоне	585
Глава 7. Тифлисская операция 11-й Красной	592
Глава 8. Осетинский привет и букет Абхазии	601
Глава 9. Агония.....	606
Глава 10. Турецкий ятаган над Батумом.....	611

Документальные приложения	621
Библиография	901

В. М. Муханов
**«Социализм виноградарей»,
или История Первой Грузинской республики
1917–1921**

Выпускающий редактор *Е. Р. Секачева*

Корректор *Л. А. Куртова*

Художественное оформление
и компьютерная верстка *В. В. Забковой*

ООО «Издательство «Кучково поле»
119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел./факс: (495) 256 04 56
Е-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 25.07.2019.
Формат 70×100/16. Усл. печ. л. 75,4.

ISBN 978-5-907171-06-0